

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена
Петербургский институт иудаики

ДЕВЯТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

статьи и материалы

Цвелодубово Ленинградской области
2013

Александр Жолковский

Варвары у ворот

Чезаре де Микелису

The essay focuses on the artistic use of foreign borrowings, or barbarisms by looking at the texts of historical anecdotes, contemporary jokes, erotic folklore, as well as prose fiction by Sir Walter Scott and Count Leo Tolstoy. Special attention is paid to the paradoxical status of the term 'barabrisim' itself.

Key words: barbarism, anecdote, joke, theme, social class, Tolstoy, Scott.

Работа посвящена художественному использованию иностранных заимствований, или варваризмов. Анализируются тексты исторических анекдотов, современные шутки, эротический фольклор, а также художественная проза сэра Вальтера Скотта и графа Льва Толстого. Особое внимание уделяется парадоксальному статусу самого термина "варваризм".

Ключевые слова: варваризм, анекдот, шутка, тема, социальный класс, Л. Толстой, В. Скотт.

Многие сюжеты чисто вербальны. То есть, и в них происходят реальные события, но все в общем-то решает игра слов.

Дело в том, что сюжет, как правило, держится на каких-то недоразумениях, ошибках, обманах, тайнах, которые в конце концов раскрываются, и вот это-то, выражаясь по-аристотелевски, *узнавание* часто состоит в правильном осмыслении слов, поначалу понятых неправильно. Удобным материалом для такой словесной эпифании служит всякого рода специальная — научная, техническая, жаргонная и прочая не всем понятная — лексика. Особенно выигрышно использование иноязычных слов и оборотов и так называемых *варваризмов*, то есть иностранных заимствований, лишь недавно вошедших в родной язык и еще не знакомых широким слоям населения.

Известный пример провального владения иностранным языком —

анекдот об офицере, который в ответ на вопрос французского монарха, есть ли среди собравшихся кто-нибудь, в совершенстве владеющий французским, хвастливо заявляет: *Je, Sire!* «Я, Ваше Величество!» (фокус в том, что *je* «я» в такой конструкции употребить нельзя).

Пример варваризма — анекдот, строящийся на соотношении непонятого заморского слова с его простецким русским эквивалентом.

Некий необразованный, но состоятельный купец просил знаменитого адвоката Ф. Н. Плевако (1842–1909) принять участие в процессе. Выслушав клиента, Плевако согласился и потребовал аванс. Купец, никогда прежде такого мудреного слова не слышавший, поинтересовался:

- А это что ж такое?
- Задаток знаешь? — спросил Плевако.
- Знаю.
- Так вот, аванс в два раза больше.

Заемствованный из французского *аванс* неизвестен невеждо-купцу,¹ чем и пользуется образованный юрист, чтобы содрать с него двойную сумму. Это сюжет известного типа, в котором трикстер преподносит простаку урок мудрости «на деле» — одним ударом и просвещая его, и взимая с него немалую плату. При этом сюжет солидаризируется с носителем высокой культуры, которому владение ученым иностранным словом позволяет одержать победу над представителем более низкого, «простого», сословия, вынужденным расплачиваться за свою необразованность.

Классовый элемент в подобных сюжетах не случаен, но он далеко не всегда получает именно такую — прокультурную, проэлитную — трактовку. Часто предпочтение отдается наоборот антикультурной — простонародной, здоровой, естественной — точке зрения: претензии на эзотерическую исключительность подрываются.

Я дала интеллигенту
Прямо на завалинке,
Девки, пенис — это хуй,
Только очень маленький! (см. [2])

Разоблачение сексуальной несостоятельности интеллигента по ходу его свидания с разбитной поселянкой рассказано с ее точки зрения. А представлен этот сюжетный поворот в формате метаязыкового высказывания: исполнительница делится со своей простонародной референтной группой лингвистическим открытием, добытым,

---

¹ Слово *аванс* было зафиксировано уже в 1835 г. в 1-м томе «Энциклопедического лексикона» А. А. Плюшара, см. [1, с. 26].

так сказать, в процессе полевых исследований, — переводом на простой, нормальный язык дотоле не известного ученого слова.

Тема «прямоты, простоты» проведена сразу по многим линиям:

— она названа по имени (словом *прямо*);

— воплощена в безыскусности мизансцены (секс без хитростей, на завалинке);

— реализована нарушением словесного табу (обсценным, особенно на устах женщины, словом *хуй*);

— усилена беззастенчивым разглашением интимных деталей (*Девки...*);

— подчеркнута минимализмом улики, несущей ключевую глоссу (*только очень маленький*);

— передана лапидарностью повествования (оставлением за текстом легко угадываемых перипетий любовной интриги с престижным, но, увы, избыточным упором на *пенис*).

Так публичная кастрация элитария осуществлена путем разоблачительной дешифровки загадочного варваризма.

Есть анекдот, развивающий практически тот же сюжет с несколько иной расстановкой акцентов:

Уличная проститутка узнает в роскошно одетой даме свою давнюю подругу по профессии и окликает ее. Та тоже ее узнает, но удивляется, что она все еще промышляет на улице. Сама она теперь работает совершенно иначе — только по вызову и только с отборными клиентами, в основном писателями.

— Как же это делается?

— Ну, он звонит по телефону, мы договариваемся о времени. В назначенный час он приезжает на машине. Я приглашаю его в гостиную, мы садимся к столу, я подаю ему шоколад, бокал вина, чашечку черного кофе. Потом переходим в спальню, раздеваемся. Я беру его за пенис...

— А что такое пенис?

— Пенис? Пенис — это... ну, как тебе сказать? Примерно то же самое, что хуй, только помягче...

Ситуация и тут подается глазами более опытной женщины, конструирующей и тестирующей глоссу *пенис* = *хуй*, но на этот раз ее точка зрения приближена к элитной. В результате, не столько разоблачаются претензии, связанные с чуждым наименованием, сколько констатируются культурные различия, и делается это как бы объективно, без оценочного крена. *Мягче* — не приговор негодно-

му экземпляру, а корректное, даже уважительное описание его особенностей, которые сродни его стильному антуражу — телефону, автомобилю, гостиной, спальне, чашечке кофе. Убийственная ирония налицо, но она не осознается героиней, а проглядывает из-за ее фигуры, заодно подрывая и ее самообраз. Но, в целом мораль, конечно, та же: приверженность утонченным варваризмам прикрывает/обнажает реальную жизненную несостоятельность культурной элиты. Чем проще, тем лучше — сильнее, здоровее, надежнее.

Здесь, наверное, уместно небольшое отступление о термине *варваризм*. Употребление этого слова применительно к чему-то чересчур сложному, заумному, болезненно утонченному выглядит немного странно. Ведь привычные коннотации *варварства* противоположны — это дикость, некультурность, природная, пусть грубая, простота. Дело в том, что слово *варваризм* само является варваризмом и, так сказать, ложным другом переводчика. Его этимология кажется прозрачной, но требует специального комментария.

Лингвистический термин *варваризм* восходит, через французское *barbarisme*, к соответствующим латинскому и далее греческому словам, обозначавшим непонятную (как бормотание), грубую, дикую речь и манеру поведения *варваров* — нецивилизованных народов, каковыми для древних греков были все «не-греки», в том числе еще не просвещенные римляне, а впоследствии для римлян — все «не-греки и не-римляне». Коннотации этого словарного гнезда, в частности гр. *Βαρβαρίσμός*, лат. *barbarismus*, были сугубо негативные (анalogией в русском языке может служить слово *басурманин*, — пренебрежительно испорченное обозначение мусульманина, чаще всего татарина). Семантический парадокс возникает на русской почве, когда словом *варваризм*, заимствованным из культурно престижных и лексически более развитых языков, описываются заимствования из них же (*аванс* — из французского, *пенис* — из латыни): «варварские» коннотации приходят в конфликт с «культурными».

Негативное восприятие французских заимствований как неестественных, чуждых народной почве, навязываемых высшими классами, эксплуататорских не являлось исключительной особенностью русской культуры (в ее славянофильском изводе). Такова была распространенная в Европе реакция на доминирующее положение французского языка и культуры XVII–XIX вв. Она представлена, например в знаменитом метаязыковом пассаже из первой главы романа Вальтер Скотта «Айвен-

го» («Ivanhoe», 1819), задающем тон всему последующему конфликту между завоевателями-норманнами, говорящими по-французски, и завоеванными, но непокорными англосаксами.² Двое рядовых англосаксов, пастух Гурт и шут Вамба, ведут следующий разговор:

— К утру эти свиньи все равно превратятся в норманнов, и притом к твоему же собственному удовольствию и облегчению, — сказал Вамба.

— Как это свиньи... превратятся в норманнов? — спросил Гурт...

— Ну, как называются эти хрюкающие твари на четырех ногах?..

— *Свиньи* (swine), дурак, *свиньи*...

— Правильно, swine — саксонское слово. А вот как ты назовешь свинью, когда она зарезана, ободрана, рассечена на части и повешена за ноги, как изменник?

— *Порк* (pork), — отвечал свинопас.

— А *порк*... норманнско-французское слово. Значит, пока свинья жива и за ней смотрит саксонский раб, то зовут ее по-саксонски; но она становится норманном и ее называют *порк*, как только она попадает в господский замок и является на пир знатных особ... [С] тарый наш *Олдермен Бык* (Aulderman Ox), покуда его пасут такие рабы, как ты, носит свою саксонскую кличку, когда же он оказывается перед знатным господином, чтобы тот его отведал, он становится пылким и любезным французским рыцарем *Бифом* (Beef). Таким же образом и *Сударь Теленок* (Mynheer Calf) делается *Мосье де Во* (Monsieur de Veau). Пока за ним нужно присматривать — он сакс, но когда он нужен для наслаждения, ему дают норманнское имя.

Речь тут идет не о сексе, а о работе и еде, но построение текста и баланс ценностей во многом те же: анализ языковых глосс, соотносящих варваризм с его отечественным синонимом (типа *swine* = *pork*), демонстрирует противопоставление простого до грубости народного начала претенциозному господскому. Точка зрения — подчеркнута народная, патриотическая, анти-эксплуататорская, с недвусмысленными обертонами классовой — она же национально-освободительная — борьбы. И переход с пастбища на пиршественный стол метафорически сопряжен не только с восхождением по социальной лестнице, но и с насильственной смертью (*зарезана, ободрана, рассечена на части, повешена за ноги, как изменник*), чего слуги и желают своим хозяевам (*свиньи... превратятся в норманнов, и притом к твоему же собственному удовольствию*).

² Англия была завоевана в 1066 г., действие романа разворачивается сто с лишним лет спустя, в царствование Ричарда Львиное Сердце.

Этот кровавадный метафорический ход, отличающий эпизод из «Айвенго» от анекдотов о пенисе, органически вписывается в идейную структуру романа о своего рода гражданской войне XII в. В одной из кульминационных глав англосаксонское простонародье, в том числе Гурт и Вамба (и неизбежный Робин Гуд), участвует в осаде норманнского замка, под горящими руинами которого гибнет, среди прочих, его особенно подлый и жестокий владелец по имени *Фрон-де-Бёф* (Front-de-Boeuf), то есть *Бычий Лоб!* Правда, точка зрения романа в целом не такая односторонняя, как в начальном эпизоде: конфликт смягчается — медируется — фигурой короля Ричарда, норманна по национальной и классовой принадлежности, но сражающегося на стороне англосаксов (как рабов, так и благородных феодалов), благодаря чему выдерживается фирменный вальтер-скоттовский компромисс.

Еще более сложную полифонию метаязыковых, национальных и классовых мотивов, разыгрываемых на гастрономическом материале, являет глава 10 части I «Анны Карениной». Городской жуир Стива Облонский ведет приехавшего из деревни Левина в свой любимый ресторан.

Облонский снял пальто и в шляпе набекрень прошел в столовую... [О] и подошел к буфету, закусил водку рыбкой и что-то такое сказал раскрашенной, в ленточках, кружевах и завитушках француженке, сидевшей за конторкой, что даже эта француженка искренно засмеялась. Левин же только оттого не выпил водки, что ему оскорбительна была эта француженка, вся составленная, казалось, из чужих волос, poudre de riz и vinaigre de toilette. Он, как от грязного места, поспешно отошел от нее...

Первые французские слова уже произнесены и подвергнуты осуждению с точки зрения Левина; мы естественно ожидаем от Стивы дальнейших гастрономических галлицизмов, а от Левина настояния на всем русском. В какой-то мере Толстой эти ожидания оправдывает.

- А! Устрицы. — Степан Аркадьич задумался... — Хороши ли устрицы? ...
- Фленсбургские, ваше сиятельство, остендских нет.
- Фленсбургские-то фленсбургские, да свежи ли?
- Вчера получены-с.
- Так что ж, не начать ли с устриц...? А?
- Мне все равно. Мне лучше всего щи и каша; но ведь здесь этого нет.

— Каша а ла рюсс, прикажете? — сказал татарин, как няня над ребенком, нагибаясь над Левиным.

— Нет, без шуток; что ты выберешь, то и хорошо. Я побегал на коньках, и есть хочется. И не думай... чтоб я не оценил твоего выбора. Я с удовольствием поем хорошо.

— Еще бы! Что ни говори, это одно из удовольствий жизни, — сказал Степан Аркадьич. — Ну, так дай ты нам, братец ты мой, устриц два, или мало — три десятка, суп с кореньями...

Левин, действительно, предпочитает проverbsально простейшие и сытные русские *щи да кашу*, но он готов и на компромисс с угощающим другом. Облонский же, хотя и не уклоняется от варваризма (*фленбургские*), но больше настаивает на свежести и подлинном удовольствии, да и своим неизбежным варваризмом он лишь неохотно вторит липнущему к нему официанту-татарину. По сути дела, он тоже идет навстречу Левину, в половине случаев избегая иностранной лексики; впрочем, как выясняется, это и вообще его манера. Чем дальше, тем эта «антифранцузская» линия проводится все более четко:

— ... суп с кореньями...

— Прентаньер, — подхватил татарин. Но Степан Аркадьич, видно, не хотел ему доставлять удовольствие называть по-французски кушанья.

— С кореньями, знаешь? Потом тюрбо под густым соусом, потом... ростбифу; да смотри, чтобы хорош был. Да каплунов, что ли, ну и консервов.

Татарин, вспомнив манеру Степана Аркадьича не называть кушанья по французской карте, не повторял за ним, но доставил себе удовольствие повторить весь заказ по карте: «Суп прентаньер, тюрбо сос Бомарше, пулард а лестрагон, маседуан де фрюи...»...

— Что же пить будем?.. Ты любишь с белою печатью?

— Каше блан, — подхватил татарин... Столового какого прикажете?

— Нуи подай. Нет, уж лучше классический шабли.

— Слушаю-с. Сыру *вашего* прикажете?

— Ну да, пармезан. Или ты другой любишь?

— Нет, мне все равно, — не в силах удерживать улыбки, говорил Левин...

Грех преклонения перед Западом отчасти перекладывается таким образом на плечи слуги, каковой, к тому же, является не французом и даже не русским, а татарин, что делает его галломанию классово, этнически и культурно не престижной, а смехотворной. Тем не менее, глава конча-

ется четким противопоставлением двух основных позиций — «дикой, варварской» Левина и «гедонистической, про-культурной» Облонского:

Левин ел и устрицы, хотя белый хлеб с сыром был ему приятнее. Но он любовался на Облонского...

— А ты не очень любишь устрицы? — сказал Степан Аркадьич... — или ты озабочен? ...

— Я? Да, я озабочен; но, кроме того, меня это все стесняет, — сказал он. — Ты не можешь представить себе, как для меня, деревенского жителя, все это дико... [М]не дико теперь то, что мы, деревенские жители, стараемся поскорее наесться, чтобы быть в состоянии делать свое дело, а мы с тобой стараемся как можно дольше не наесться и для этого едим устрицы..

— Ну, разумеется, — подхватил Степан Аркадьич. — Но в этом-то и цель образования: изо всего сделать наслаждение.

— Ну, если это цель, то я желал бы быть диким.

— Ты и так дик. Вы все, Левины, дики.

Венчается этот ресторанный сюжет (в следующей главе) слегка ироничным, как бы компромиссным, завитком:

...Когда татарин явился со счетом в двадцать шесть рублей с копейками и с дополнением на водку, Левин, которого в другое время, как деревенского жителя, привел бы в ужас счет на его долю в четырнадцать рублей, теперь не обратил внимания на это, расплатился и отправился домой, чтобы переодеться и ехать к Щербацким, где решится его судьба.

Читал ли Толстой «Айвенго»? Читал и в черновике даже вставил в «Юность» эпизод с его чтением в семье Нехлюдовых, но потом заменил «Ивангое» на «Роб Роя» [3, с. 466–467]). А для «Анны Карениной» написал своего рода усовершенствованную вариацию на эти темы, с глоссами. Для этого ему и понадобился татарин. Разница между вальтерскоттовским эпизодом и толстовским в принципе такая же, как между частушкой про пенис и анекдотом о call girl: наряду с двумя предсказуемыми точками зрения находится место и для неожиданной третьей, оригинально их оттеняющей и проблематизирующей.³

³ «Мы видим, что в этом описании Толстой сталкивает сразу три разных позиции...» [4, с. 10 сл.]. Об аналогичной триаде в охотничьих эпизодах главах «Анны Карениной» (ч. VI, гл. 9–12), где Левин оказывается «естественнее» горожан (Облонского и Весловского), но «искусственнее» своей собаки Милки, см. [5, с. 164–165].

Список литературы и источников

1. *Чернышев В.*, гл. ред. Словарь современного русского литературного языка в 17-ти томах. Т. 1. М., 1948.
2. *Ильясов Ф.* ред-сост. Русский мат (Антология). М., 1994 (<http://www.litmir.net/br/?b=132211&p=8>).
3. *Толстой Л.* Детство. Отрочество. Юность. М., 1978. (Серия «Литературные памятники»).
4. *Лотман Ю., Погосян Е.* «Великосветские обеды». СПб., 1996 (<http://statehistory.ru:80/2855/Slugi-kak-khraniteli-uklada-dvoryanskogo-byta/>).
5. *Жолковский А.* Тонкости чтения. Из заметок о Льве Толстом // Он же. Очные ставки с властителем. М., 2011. С. 160–174. (<http://magazines.russ.ru/zvezda/2010/8/zh16.html>).